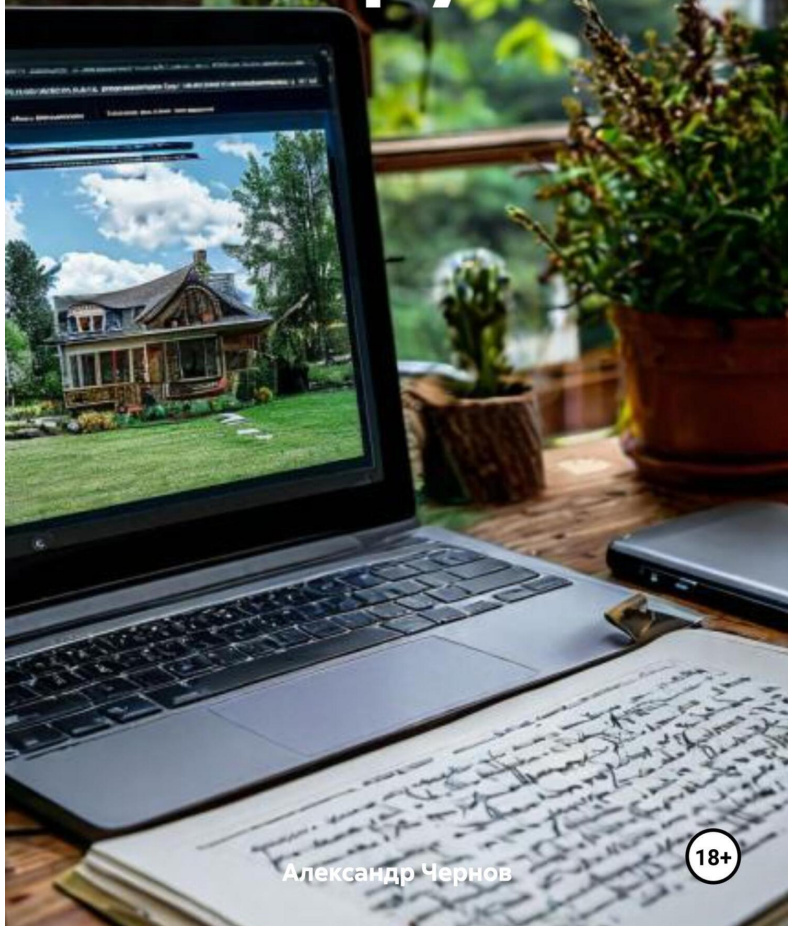

Мое другое Я

Александр Чернов

18+

Александр Чернов

Мое другое Я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72173008

SelfPub; 2025

Аннотация

От Татьяны Неделькиной неожиданно ушел супруг, оставив ей прощальное письмо. Она не верит, что муж ушел от нее по собственной воле, и просит частного сыщика Игоря Гладышева найти его. Игорь начинает разыскивать сбежавшего супруга и раскрывает хитроумно задуманное преступление, в котором, как оказалось, ему была отведена немаловажная роль...

Содержание

Глава первая. ЧЕРТ	4
Глава вторая. ЗАКАЗЧИЦА	14
Глава третья. СЕМЕЙКА АДДАМС	30
Глава четвертая. АДВОКАТ	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Александр Чернов

Мое другое Я

Глава первая. ЧЕРТ

Подходила к концу четвертая, последняя за сегодняшний день тренировка. Мы с пацанами двенадцати-тринадцати лет закончили разучивание «броска прогибом с захватом голени», я построил их в одну шеренгу на ковре, скомандовал «Равняйся», «Смирно» и попрощался:

– До свидания, борцы!

– До свидания, тренер! – довольно дружно ответили мальчишки.

Я скомандовал:

– Напра-во! В колонну по одному шагом марш из спортзала!

Можно было, конечно, просто распустить пацанов, но такие действия чреватые непредсказуемыми последствиями. Мои борцы-вольники, ломанувшись в проход, запросто могут снести не только двери из спортзала, но и двери напротив через коридор в раздевалку, а то и получить травму. Дождавшись, когда последний в колонне пацан Мишка Сазонов покинет спортзал, я выключил в помещении свет и вышел следом. Постоял несколько минут у открытой двери в

раздевалку, наблюдая за тем, чтобы пацаны не баловались и после того, когда они вышли из коридора спортзала и отправились в фойе, где их поджидали родители, двинулся в душевую. Можно, конечно, потерпеть до дому и там принять душ, но после нескольких часов ползания по, скажем мягко, не очень-то чистому ковру и возни на нем, хочется поскорее смыть с себя грязь и пот.

Приняв душ, а заодно, помыв голову, я, обмотав вокруг бедер полотенце, принялся в тренерской раздевалке сушить с помощью ручного фена и расчески волосы, поглядывая на себя в висевшее на стене зеркало. Нет я не какой-то там модник, который делает укладку, завивку или какие-то иные манипуляции с волосами, придавая им красивый вид и объем. Отнюдь. Просто сушил их, потому что на улице осень, довольно холодно, а с мокрыми волосами запросто можно подхватить простуду.

Повесив фен на крючок и положив расческу на полочку под зеркалом, я повесил лежавшую на стуле спортивную форму в шкафчик, надел висевшие в нем джинсы, рубашку, куртку и вышел из раздевалки. Перед тем как покинуть спортзал и прилегающие к нему подсобные помещения, заглянул в кабинет, который мы – я и еще два тренера – делим с завучем детско-юношеской спортивной школы Колесниковым. Завуч уже давно на пенсии, но вот до позднего вечера все корпит над документами, всевозможными директивами, отчетами и приказами. Вот и сейчас он большой и грузный

сидел в своем кресле за Т-образным столом, наклонив бульдожье лицо над каким-то документом и то ли читал, то ли изучал его. Заходить в кабинет я не стал, сунул в дверь только голову и проговорил:

– Всего доброго, Иван Сергеевич!

Завуч, видимо, прикемарил (что поделаешь – старость, к месту и не к месту иной раз тянет в сон), поскольку всхрапнул и довольно хмуро посмотрел на меня исподлобья поверх больших, старомодных пластмассовых очков, висевших на кончике его мясистого носа.

– Пока, Игорек, – буркнул он и, перевернул страницу документа, который держал в руках.

Я не обижаюсь на его вольное «Игорек», поскольку разница в возрасте – мне тридцать пять, а ему далеко за семьдесят – позволяет обращаться ко мне фамильярно, да и мне эта же самая разница позволяет называть его иной раз в неформальной обстановке дядей Ваней.

Развернувшись, я покинул коридор и, поплутав, по лабиринтам спортшколы, вышел в ярко освещенное фойе. Здесь за ограждением поджидали замешкавшихся после тренировки во всевозможных секциях детей, бабушки и дедушки.

Махнув на прощание охраннику Лешке рукой, я миновал турникет и сквозь стеклянные двери вышел из спорткомплекса. На улице было пасмурно, холодно и сыро. По небу плыли тяжелые свинцовые тучи, оседала противная морось. Я взглянул на наручные механические часы «Tissot», кото-

рые мне подарили на тридцатипятилетие родители моих подопечных спортсменов, чем я очень гордился. Они показывали пять часов. Несмотря на то, что был еще не поздний вечер, на улице темно – в конце октября темнеет довольно рано. Я накинул на голову капюшон, засунул руки в карманы куртки и пошел по аллеям стадиона, на базе которого располагалась наша Детско-юношеская спортивная школа.

Выйдя из ворот стадиона, направился к автостоянке, где был припаркован мой подержанный «БМВ». Когда я, пикнув на пульте дистанционного управления кнопкой разблокировки сигнализации автомобиля, подошел к своему железному коню, собираясь открыть дверцу, стоявшая в углу наполовину заполненной автомобильной парковки, белая «Тойота Камри» моргнула два раза фарами. Я глянул по сторонам. Вокруг ни людей, ни движущихся автомобилей, кому мог быть подан сигнал не было, значит, мигнули фарами мне. И я не ошибся, дверь «Тойоты» открылась, из нее вышел мужчина чуть выше среднего роста и, махнув мне рукой, призывая повременить и не садиться в автомобиль, двинулся в мою сторону. Я, взявшись было за ручку дверцы «БМВ», отпустил ее и внутренне напрягся: уж не собрался ли мужик, пользуясь темнотой и безлюдьем, ограбить меня? Напрягся, это не значит испугался. Драться я умею и могу запросто дать отпор любому грабителю, просто приготовился отразить нападение... Но нет на гопника мужик не похож. Он был довольно плотный, прилично одетый – в серый ко-

стюм, светлую рубашку и надетую поверх костюма расстегнутую темно-синюю удлиненную легкую стеганную куртку. На ногах черные туфли. Нет одетые так люди обычно не грабят. Они работают где-нибудь в офисе на руководящей должности.

– Извините, Игорь Степанович Гладышев? – с вопросительной интонацией произнес мужчина довольно-таки приятным баритоном. Он приблизился ко мне и остановился напротив.

– Он самый, – сказал я, разглядывая мужика.

Мы стояли под фонарем, и я прекрасно видел его лицо. Ему было лет за сорок. Лицо полноватое, красноватое, с блестящими на нем белками глаз, похожими на два сваренных вкрутую яйца без скорлупы; большой нос с хищно изогнутыми крыльями; небольшая черная как смоль, ухоженная с четко подбритыми краями борода, казавшаяся из-за этого приклеенной; усы; из того же комплекта смоляные широкие брови; зачесанные назад волосы; чуть заостренные уши и высокий покатый лоб с залысинами, на которых не хватало рожек и тогда он был бы вылитым чертом из какого-нибудь комикса про нечистую силу.

– С кем имею честь?.. – поинтересовался я довольно-таки учтиво.

– Евгений Викторович Душкин, – отрекомендовался мужчина, чуть склонив голову. – Но можете называть меня Евгением... Я бы пораньше с вами встретился, но охранник не

пустил меня к вам в спортзал, сказал, что вы в пять часов освободитесь и на своей машине поедете домой. Назвал номер вашего автомобиля и марку. Вот уже больше часа вас возле вашей машины караулю.

Я в душе возмутился, но виду не подал, что недоволен поведением Лешки-охранника, который первому встречному-поперечному называет данные моего автомобиля и место его парковки. Мало ли что, вдруг этот встречный-поперечный мину мне под днище автомобиля прикрепить хочет. Шучу конечно, не такая уж я важная птица, чтобы мой автомобиль взрывать, но Лешке нужно поменьше языком трепать, разбалтывая личные данные работников спортивной школы. Мало ли у кого что на уме.

– И зачем же я вам понадобился? – поинтересовался я, глядя на волосы мужика, на которые осела водяная пыль, отчего они казались набриолиненными.

– Вы ведь частный сыщик? – не отвечая на мой вопрос, уточнил Евгений.

– Есть такой грех, – сказал я, борясь с искушением дернуть мужика за бородку, чтобы проверить, настоящая она или приклеенная.

– Причем говорят, что вы один из лучших детективов города Москвы, – польстил мне похожий на сатану мужчина.

Я не стал убеждать собеседника в обратном – может быть так оно и есть. Да и чем выше о тебе мнение окружающих, тем выше гонорар. Это очевидно.

– И что же вы хотели? – я взял капюшон с двух сторон руками и потянул вперед, чтобы он стоял колом, и его верхний край не падал мне на лицо.

– У меня есть для вас работа, – Евгений сделал замысловатое движение бровями, пытаюсь, по-видимому, таким образом пробудить во мне интерес к предлагаемой им работе.

Постольку поскольку я молчал, мужчина продолжил:

– Вернее, работу могу вам предложить не я, а моя двоюродная сестра Татьяна Неделькина.

– И что же она может мне предложить? – произнес я индифферентно, не показывая, что заинтересован предложением и набивая таким образом себе цену.

– Я бы не хотел вмешиваться в отношения между заказчиком и исполнителем, уклончиво сказал Евгений. – Кузина попросила меня лишь найти хорошего сыщика, что я и сделал. А уж пусть она сама расскажет о своем деле, которое хотела вам поручить.

– А почему ваша сестра действует через вас, а не свяжется со мной напрямую? – спросил я, поигрывая брелоком от машины.

Евгений выпятил нижнюю и без того сильно выпирающую пухлую губу, которой, постарайся он, запросто мог достать до кончика своего длинного, острого носа, несколько секунд молчал, очевидно, формулируя в уме ответ, затем медленно, подбирая слова, проговорил:

– Видите ли, Игорь Степанович, моя двоюродная сестра

находится сейчас в угнетенном состоянии, я бы даже сказал, пребывает в депрессии в связи с последними не очень радостными событиями в ее жизни, поэтому ей трудно вести в таком состоянии какие-либо предварительные переговоры с сыщиком – говорить она может только в случае крайней необходимости и по существу. Если вы не возражаете, Игорь Степанович, я вас отвезу на своей машине к Татьяне, она вам расскажет суть дела и, если вы за него возьметесь, я обсужу с вами размер гонорара. Ехать здесь недалеко. Потом я привезу вас обратно к вашей машине.

Я раздумывал недолго. Я холостяк, дома меня никто не ждет, делать мне особо вечером нечего, отчего бы не заняться частным поиском, розыском, расследованием или чем там мне может предложить заняться эта самая Татьяна, тем более, если за работу хорошо заплатят. Однако было одно «но».

– Но знаете, Евгений Викторович, – я кашлянул в кулак – я не берусь за дела, связанные со слежкой за изменяющими мужьями, женами, подглядыванием в окна, где совершается адюльтер, или фотографированием постельных сцен для предоставления фотографий в качестве доказательств измены супруга.

– Это почему же? – насмешливо спросил «нечистый».

Я с достоинством проговорил:

– У меня есть свои принципы. Не опускаюсь до банального шпионажа за неверными супругами.

– Похвально, – поощряющим тоном сказал Душкин и го-

лосом дьявола-искусителя проговорил: – Но, уверяю вас, Игорь Степанович, дело моей кухни иного свойства. И вам точно не придется подглядывать в окна и уж тем более лезть в чужую постель. Да и гонорар, если вы возьметесь за это дело, будет приличным.

Я все еще продолжал повышать ставки.

– Но учтите, Евгений, я берусь еще и за только интересные дела.

Но Душкин уже понял, что заполучил меня в качестве сыщика и потому снисходительным тоном как-то даже фамильярно и по-хозяйски проговорил:

– Уверяю вас, Игорь Степанович, дело покажется вам очень интересным... Ну, так что, поедем?

Больше я не стал артачиться – посмотрим, что за интересное дело может мне предложить кухня этого Душкина.

– Хорошо, поедем, – согласился я и нажал на пульте дистанционного управления кнопку, вновь блокируя двери автомобиля.

Душкин повернулся на сто восемьдесят градусов и двинулся к своей машине. Я давно ждал момента, когда Евгений повернется ко мне спиной. Очень уж хотелось посмотреть не торчит ли у него из-под куртки сзади как у черта хвостик с кисточкой. Но нет, не торчал. Хотя может быть, он его под курткой спрятал. Но как бы там ни было мне казалось, что мой новый знакомый прибыл ко мне из самой преисподней.

Мы сели в автомобиль, проехали по дороге, шедшей от

стадиона до проспекта, свернули на него и влились в общий поток машин, двигавшийся в сторону метро Новогиреево.

– Как вы вышли на меня? – поинтересовался я у Евгения, сидевшего с сосредоточенным видом за рулем.

Он искоса глянул на меня и ответил:

– О вас мне рассказал Геннадий Семенцов. Но вы его не знаете. Он мой хороший знакомый. А ему сказал его знакомый, уж и не знаю кто именно. Знаю только, что вы по его поручению расследовали какое-то дело. В общем, слухами земля полнится.

Я хмыкнул:

– Понятно. Я «Памятник себе воздвиг нерукотворный».

Евгений бросил в мою сторону удивленный взгляд.

– Что, простите?

Я махнул рукой.

– Да это я так, Пушкина вспомнил.

У метро Новогиреево мы свернули налево на Зеленый проспект, проехали немного по нему, потом свернули вправо и домчавшись по свободной дороге до Шоссе Энтузиастов, остановились у десятиэтажной сталинки.

– Прибыли, – сообщил Душкин, выключая мотор автомобиля.

Глава вторая. ЗАКАЗЧИЦА

Подъезд, в который мы вошли, был большим, просторным, как и все помещения в сталинских домах. Лифт старинный, еще такой – с обтянутой панцирной сеткой шахтой и обычной дверью, сваренной из уголков. В нем мы поднялись на пятый этаж и остановились у коричневой с порошковым напылением дверью.

По-видимому, хозяйка квартиры была нерасторопной женщиной, потому что прошло не менее двух минут после того, как Евгений надавил на кнопку звонка, когда, наконец, раздался звук открывающегося замка и дверь отворилась. На пороге стояла женщина лет тридцати пяти, а, может быть, ей было намного меньше – определить трудно, поскольку лицо заплаканное и припухшее от слез отчего черты лица расплылись, что несомненно старило ее, вернее, скажем так – делало старше. Ведь тридцать пять лет еще не старость. Очевидно, молодая женщина была миловидной, когда не плакала и была накрашена. Впрочем, любую особу женского пола с помощью макияжа можно превратить в женщину вамп, роковую красотку, а то и в нимфетку. Было бы, как говорится, желание. Так что миловидность, а то и красота, понятия условные. Но как бы там ни было, у молодой женщины были пухлые губки, аккуратный носик и большие глаза. Волосы светлые, прямые, длинную по грудь. Чуть выше бровей

четкая линия челки. На молодой женщине были темные леггинсы и сиреневая футболка. Оба предмета гардероба обтягивали тело дамочки как перчатка, выставляя напоказ фигуру. Надо признать, она была у нее неплохой, но... рост. Она была немаленькой. До моего роста она, правда не дотягивала, а я за метр восемьдесят, но метр семьдесят пять точно была, что для женщины, на мой взгляд, многовато. Фигура пропорциональная, самый привлекательный для мужчины тип – гитара... Хотя нет, учитывая ее рост фигура скорее не гитары, а контрабаса. В общем, не в моем вкусе. Я люблю маленьких, стройных, рядом с которыми чувствуешь себя Ильей Муромцем. А в объятиях с большой женщиной я себя неловко ощущаю – слабым и беззащитным. Шучу, конечно, просто видать, у меня фобия такая – страх перед высокими женщинами.

– Здравствуйте, – проговорила дамочка и отступила вглубь прихожей, шире открывая дверь.

Мы с Евгением ступили в прихожую. Я чуть поклонился.

– Добрый вечер!

– Вы и есть тот самый знаменитый сыщик? – через силу улыбнулась женщина, хотя, судя по ее внешнему облику, ей было совсем невесело. Просто быть приветливой, ее обязывало положение хозяйки.

– Игорь Степанович Гладышев, – отрекомендовал меня Евгений, снимая куртку и вешая ее в шкаф в прихожей. Я обратил внимания на то, что и под курткой хвоста у него не

было.

– Можете называть меня Игорем, – заявил я, тоже снял куртку и повесил ее в шкаф.

– Татьяна Неделькина, – назвалась хозяйка квартиры и предложила: – Проходите, не разувайтесь, у меня не прибрано. Не до уборки, знаете ли. Пойдемте в гостиную, нам там удобнее будет говорить, – она двинулась по широкому длинному коридору с двумя дверьми справа от него к третьей, расположенной в конце коридора.

Квартира была трехкомнатной, мы прошли мимо спальни, детской, судя по письменному столу и небольшой кровати и вошли в гостиную, довольно стильную, оформленную в светлых тонах. В ней стоял длиннющий диван, круглый кофейный столик, необычного дизайна два белых кресла с простегнутыми спинками и сиденьями. На стене висел большой телевизор, напротив которого на диване сидела девочка лет десяти, одетая в бежевый спортивный костюм, отдаленно напоминавшая мать, тоже с длинными волосами, но, разумеется, не крашеными, а русыми, которые были стянуты на затылке в хвост. Девушка сидела на диване, сложив ноги по-турецки и смотрела какой-то девчачий мультик.

– Даша, пойдя, пожалуйста, в свою комнату, посиди там, – сказала Татьяна, обращаясь к девочке.

Даша оторвала взгляд от телевизора, изучающе посмотрела на меня, сказала: «Здравствуйте», потом соскользнула с дивана, продефилировала мимо нас троих к двери и вы-

скользнула из комнаты.

Наша компания расселась вокруг кофейного столика. Мы с Евгением на креслах, Татьяна – на диване на месте дочери.

– Может быть, предложить вам чай, кофе, спиртные напитки? – спросила хозяйка квартиры, обхватив руками со сцепленными пальцами колени.

Я откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу.

– Если можно, кофе.

– Женя, не в службу, а в дружбу, – обратилась Неделькина к кузену, – приготовь нам, пожалуйста, кофе.

Устроившийся было на кресле Евгений молча поднялся и вышел из комнаты.

– Так что у вас случилось, Татьяна? – спросил я, поморщившись, давая таким образом понять, что работающий телевизор раздражает.

Хозяйка квартиры поняла меня, взяла лежавший на диване пульт дистанционного управления, нажала на кнопку и выключила телевизор.

– Муж у меня пропал, – проговорила она горестно, нервно вертя в руках пульт от телевизора.

– Рассказывайте, – я вздохнул, приготовившись слушать печальную историю Татьяны Неделькиной.

У молодой женщины на глазах выступили слезы. Шмыгнув носом, она как-то по-детски провела по нему снизу вверх ладонью и начала рассказывать:

– Мы с Николаем женаты три года. У меня и у Коли это

второй брак. Мне тридцать два года, Коле – сорок три. Разница в возрасте у нас одиннадцать лет. Дочь у меня от первого брака. У Коли тоже есть ребенок – сын тринадцати лет. До недавнего времени я считала, что брак у нас счастливый, потому что жили мы дружно. Недавно мы с дочкой поехали на десять дней в отпуск на Кипр. Там, знаете ли, еще тепло и можно купаться. В школе я договорилась с директором, что Даша несколько дней не будет посещать школу. Ну она у меня девочка умная, учится хорошо, школьную программу догонит. Коля с нами не поехал. У него отпуск на работе не совпал с моим.

В этот момент на кухне зажуужжала кофемашина – сам Сатана готовил мне кофе!

Молодая женщина дождалась, когда визг кофемашины стихнет и продолжила:

– А вчера мы вернулись с дочкой с Кипра и... – Татьяна отбросила на диван пульт, двумя указательными пальцами провела в уголках глаз у носа вытирая выступившие слезы. – Его дома не оказалось. – Голос молодой женщины дрогнул: – Коля забрал все свои вещи, документы и машину и... и ушел... – Неделькина еле сдерживалась, чтобы не зареветь. – А потом... потом... я обнаружила вот это письмо.

Она встала, подошла к длинной широкой книжной полке, взяла с нее конверт и подала его мне. Конверт был распечатан, обыкновенный, без каких-либо надписей на нем. Я достал из него сложенный лист бумаги формата А-4, развернул

его и, положив на кофейный столик, разгладил сгибы. Тут в комнату вошел Евгений, держа в руках поднос, на котором стояли три чашки с кофе, сахарница, вазочка с печеньем и лежали три чайные ложки. Он поставил поднос на кофейный столик и предложил:

– Угощайтесь!

По-видимому, этот Сатана был частым гостем в этом доме, раз так хорошо ориентировался, где что у Неделькиных лежит, и смог сервировать стол для кофе. Как-то криво улыбнувшись, он сел в кресло.

Татьяна, взяв чашку с кофе, вернулась на диван. Я сыпнул в чашку с кофе две чайные ложки сахара и, помешивая чайной ложечкой черный тягучий напиток, углубился в чтение письма, лежавшего передо мной на кофейном столике.

«Доброго времени суток, Татьяна! – было выведено красивыми округлыми буквами в верхней части листа. Черт возьми терпеть не могу, когда люди так говорят или пишут «доброго времени суток». Колхоз какой-то с претензией на изысканность. – Пишет вам... впрочем, это не важно, кто именно. Считайте, что новая женщина Николая. Мы с Колей встречаемся уже больше года, и за это время хорошо изучили друг друга, и сумели понять, что мы друг без друга жить не можем. А потому решили быть вместе. Коле тяжело сообщать вам эту новость, и он не хочет ни говорить с вами на эту тему, ни писать. Поэтому я сама взяла на себя труд сообщить Вам, что Коля от Вас ушел. Прошу Вас не пытаться

ни искать его, ни связаться с ним каким-либо образом. Он этого не хочет. Я очень сожалею, что так получилось. Не судите нас строго и прощайте».

Я отодвинул письмо, хлебнул кофе и уставился на Татьяну.

– И что же вы хотите? – проговорил я недоуменно. По моему, из письма ясно, что мужик бросил женщину. Что тут можно сделать и чем помочь?

Татьяна, забыв про кофе, держала чашку в руках. По ее щекам текли слезы.

– Хочу, чтобы вы нашли его.

– Ха! – произнес я и укоризненно взглянул на Евгения.

Тот понял суть моего восклицания и значение взгляда и развел руками.

– Но, Игорь Степанович, – проговорил он словно оправдываясь, – если вы возьметесь за это дело, то вы несколько не нарушите свои принципы. Вам же нужно ни за кем следить, а требуется только отыскать человека.

В общем-то он был прав – следить за неверными супругами в этом деле не придется. Тем не менее я, переведя взгляд на Татьяну, спросил:

– Зачем вам нужно найти Николая? Как бы мне не хотелось делать вам больно, но, судя по письму, ваш муж утратил к вам былые чувства, нашел другую женщину и не хочет быть с вами вместе.

Так и не отпив кофе, Татьяна, потянувшись поставила чаш-

ку на кофейный столик и вытерла пальцами слезы со щек.

– Видите ли, Игорь, – проговорила она, вновь шмыгая носом. – Мы с Колей как я уже упоминала жили дружно и счастливо. Очень любили друг друга. Впрочем, я и сейчас его люблю. Ничто не предвещало, что он так поступит со мной. Я бы очень хотела, чтобы вы нашли его, и я могла бы поговорить с ним, выяснить, что случилось, кто эта женщина, откуда она взялась? Да и вообще непорядочно с его стороны вот так вот поступать со мной: сообщать о своем разрыве со мной через любовницу. И в конце концов, если уж на то пошло, и он решил бросить меня, то нужно развестись по-человечески.

– А полицию вы не пробовали обращаться? – любопытствовал я.

Молодая женщина сокрушенно покачала головой.

– Пробовала, но там в возбуждении дела отказали, сказали точно так же, как и вы: А что вы хотите, ваш муж ушел к другой женщине. Не можем же мы его насильно к вам вернуть».

– Наверное по-своему они тоже правы, – согласился я с отказом полицейских возбудить дело, и хлебнул еще кофе.

– Ну, так что возьметесь отыскать Николая? – спросил со своего места человек, похожий на черта.

– Сколько платите? – задал я ему весьма интересовавший меня вопрос.

Евгений развел в стороны руки, затем соединил ладони

вместе.

– Скажем, тысяч сто. Вас устроит? – Он выжидательно посмотрел на меня.

Обычно договариваешься об одной цене, а в итоге гонорар всегда получается намного меньше. На всякий случай я решил накинуть цену.

– Еще добавьте двадцать тысяч, плюс «транспортные расходы».

– Что значит транспортные расходы? – удивленно взглянул на меня Мефистофель.

Я усмехнулся:

– Это я так в шутку называю «транспортные расходы». А на самом деле дополнительные расходы. Кому-то чаевые дать, кому-то бутылку водки купить. А то, может быть, для пользы дела кого-то и в кафе сводить.

– А понятно, – покривил одну сторону рта Евгений и взглянул на свою двоюродную сестру. – Ну, что, Татьяна, нас такие условия устраивают?

Молодая женщина пожала плечами.

– Пусть будет так.

В конце концов что думает эта Татьяна, что чувствует и хочет сказать своему мужу при встрече, это ее дело. Мое – отыскать Николая и получить гонорар. Думаю, отыскать мужчину в столице хоть и не простая, но не такая уж невыполнимая задача. Наверняка я смогу найти его следы, исходя из данных, которые смогу получить от жены Николая, его

друзей, соседей. А потому я сказал:

– Хорошо, я согласен. Пятьдесят процентов гонорара вы мне выплатите сегодня сразу, а остальные после того, как я найду Николая.

– Не вопрос, – сказал Евгений, доставая из внутреннего кармана пиджака мобильник. – Назовите номер своего телефона, и я перекину на него деньги.

То ли спонсировал этот черт из преисподней Татьяну Неделькину, то ли решал ее финансовые дела, пока она находилась в прострации, было непонятно, но и неважно. Важным было то, что на моем счету появятся лишние шестьдесят тысяч. Я продиктовал Евгению номер телефона, и он скинул на мою карточку аванс.

– А теперь, Татьяна, давайте поговорим о том, что может навести меня на след вашего пропавшего супруга, – предложил я, когда в моем кармане пиликнул телефон, извещая о том, что на карточку пришли деньги.

Молодая женщина уже взяла себя в руки, о том, что она недавно плакала, говорили лишь покрасневшие глаза да нос.

– Я готова, спрашивайте, – сказала она тоном делового человека.

– Тогда если можно лист бумаги и... – я изобразил рукой, будто пишу что-то.

– Минуточку, – кивнула Татьяна и громко произнесла: – Даша, можно тебя?!

На зов в комнате появилась дочь Неделькиной и вопроси-

тельно посмотрела на мать.

– Да, мама?!

– Принеси, пожалуйста, лист бумаги и ручку.

Девушка была превосходно воспитана. Она кротко сказала: «Хорошо, мамочка», исчезла, а минуту спустя принесла листок бумаги и ручку, которые положила на кофейный столик. Больше ни слова не говоря, она удалилась.

– Я думаю, Татьяна, что вы уже наверняка звонили на работу мужу, – сказал я, беря ручку и пододвигая к себе листок бумаги.

Набрав полную грудь воздуха, молодая женщина медленно выдохнула. Обычно так делают, набираясь решимости перед трудным разговором.

– Да, звонила.

– И что вам там сказали?

– Я никого на работе мужа не знаю, но мне, разумеется, известна фирма, на которой он работает. – Неделькина вновь вздохнула. – Я нашла в интернете сайт этой фирмы, номер телефона и позвонила туда. Однако толком ничего не могла узнать. Девушка-секретарь лишь у кого-то спросила про Николая, и ей ответили, что он на работе не появляется.

Я ничуть не удивился тому, что Неделькин не ходит на работу. Если бы его можно было так просто отыскать, появляйся он там, Неделькина вряд ли нанимала бы сыщика для розыска своего мужа.

– Что за фирма? – поинтересовался я.

– По продаже и обслуживанию компьютерного оборудования и программного обеспечения, – молодая женщина снова взяла с кофейного столика чашку с кофе и все же сделала из нее глоток. – «Юникс-М» называется.

– Кем он там работает?

– Инженером. В техническом отделе. Что-то связанное с айти технологиями.

Я записал название фирмы, должность Неделькина и поднял на хозяйку дома глаза.

– Думаю, вы и на телефон мужа звонили?

Татьяна сидела, раздвинув колени, опираясь предплечьями на них и, держа обеими ладонями чашку с уже остывшим кофе.

– Звонила, но супруг не отвечает.

– Понятно, – сказал я с чувством удовлетворения, поскольку именно такой ответ женщины и предполагал. – Дайте мне на всякий случай номер телефона вашего мужа.

Татьяна продиктовала, а я записал на листке бумаги номер.

– А Николай не мог сойтись со своей бывшей женой? – задал я очередной вопрос. – Все же у него в той семье сын. Может быть, он вернулся к своей первой жене?

Молодая женщина с фигурой контрабаса пожалала плечами и неуверенно проговорила:

– Не знаю. Как-то не думала об этом.

– Хорошо, проверим и этот вариант. – Все же сказывался

сегодняшний тяжелый с утра до вечера тренировки, я чувствовал себя разбитым, клонило в сон, даже бодрящий напиток кофе не поднимал тонус, я обеими руками потер лицо, словно прогоняя усталость. «Да, Игорек, стареешь, а ведь еще каких-то десять лет назад, будучи действующим спортсменом, мог без устали заниматься на тренажерах и проводить по нескольку спаррингов. Пора на пенсию». – подумал я уныло, а в слух спросил: – Как зовут бывшую жену Николая, и как ее найти?

Молодая женщина допила кофе одним глотком и поставила чашку на кофейный столик.

– После развода она взяла свою девичью фамилию – Горячева. А зовут ее Анна, по-моему, Николаевна. Где живет не знаю, а вот работает в школе учительницей на Третьей Андреевской улице. Школа называется «Московская английская».

– Найдем, – уверенно проговорил я и записал данные бывшей жены Николая все на том же листочке бумаги. – Ну, а близкий друг у Николая есть? – продолжал я допытываться.

– Ха-ха, – вдруг рассмеялся смехом какого-то inferнального существа Евгений Душкин. – Вы что же думаете, что Николай ушел жить к своему другу?

Меня ничуть не смутил вопрос, я снисходительно посмотрел на Сатану в образе интеллигентного человека.

– Порой близкие друзья знают о личной жизни своего товарища намного больше, чем жены, матери и другие близкие

родственники, – я позволил себе нравоучительный тон.

Евгений в знак согласия с моими словами кивнул.

– Не обращайтесь внимания, Игорь Степанович, так к слову пришлось.

Я вновь обратил свой взор к Татьяне Неделькиной.

– Так есть у Николая близкий друг?

– Есть, – с готовностью проговорила молодая женщина, так как давно уже приготовила ответ, да вот ее двоюродный брат своим дурацким смехом не дал ей сказать. – Александр Хохряков. Он давно с ним дружит, они вместе в институте учились.

– Вы ему не звонили?

– Нет, я, честно говоря, нахожусь в прострации, – Татьяна подняла вверх руки и покрутила в воздухе ладони, показывая таким образом, что она сейчас не в себе. – Пока еще до этой мысли не додумалась.

– И не звоните, – я махнул рукой в сторону Татьяны так, как обычно машу рукой кому-либо из расшалившихся на ковре спортсменам, призывая его утихомириться. – Я поговорю с ним сам. Этот ваш Александр Хохряков может не сказать супруге Николая того, что скажет мне, как стороннему человеку. Только зря спугнете или насторожите его, а мне потом вытянуть сведения из этого человека будет сложнее.

– Как скажете, – согласилась Татьяна.

– Где он живет или работает, вы знаете?

Неделькина собрала волосы, свисавшие на грудь вместе,

и закинула их за спину.

– Где работает не знаю. А где живет... живет... – она на секунду задумалась, потом выдала: – Где-то здесь, неподалеку. На Свободном проспекте. Точный адрес сказать не могу, но так визуально дом я помню. Мы с Николаем были у него в гостях. Сейчас посмотрю по карте. – Она приподнялась, взяла лежавший на краю кофейного столика свой сотовый телефон и снова села. Активировав мобильник, принялась лазить в интернете. – А вот... – проговорила она через некоторое время, увеличила карту на дисплее. – Свободный проспект 29. Элитный такой дом. Номер квартиры не знаю, но первый подъезд, там их всего два, двенадцатый этаж. Там коридор такой, вот в этом коридоре квартира крайняя слева.

– Отлично, – похвалил я женщину, за то, что она тотчас сориентировалась и быстро вычислила адрес Хохрякова Александра, который я также записал на листке бумаги. Потом достал из кармана джинсов мобильник. – А теперь продиктуйте мне номера своих сотовых телефонов, – я поочередно посмотрел на Евгения и Татьяну, – а я назову вам свой.

Мы обменялись номерами телефонов, которые забили в мобильники.

– Ну, и последнее, – сказал я, подводя к концу наш разговор и взял письмо, написанное любовницей Николая его супруге. – Это улика, брать ее у вас я не буду, вдруг когда-нибудь вам потребуется. Если вы не возражаете, я сфотографирую письмо, снимок мне пригодится.

– Я могу сделать ксерокопию, – поднимаясь сказала Татьяна. – У меня есть дома ксерокс.

– Будьте добры! – я подал письмо Татьяне, она взяла его, вышла из комнаты и вскоре с характерным для этой машины звуком зажужжал ксерокс, распечатывая послание любовницы супруге Николая. Вскоре молодая женщина вошла в комнату и подала мне ксерокопию письма неизвестной.

Я сложил на кофейном столике ксерокопию, листок со своими записями и поднялся.

– Ну, что пока все, – проговорил я, засовывая листы бумаги в задний карман джинсов, а телефон в передний. – Буду держать вас в курсе событий, Татьяна и, если потребуется, я вам позвоню.

Я и Евгений Душкин отправились к выходу, а хозяйка дома двинулась следом за нами, чтобы проводить нас до двери.

Глава третья. СЕМЕЙКА АДДАМС

Инфернальная личность, одетая в цивильный костюм, довезла меня до стоянки у спортшколы, распрощалась и укатила. Шумели от ветра ветки деревьев, моросил дождь, на улице было некомфортно, хотелось домой в тепло. Я сел в свой автомобиль, взглянул на часы. Было восемнадцать тридцать. Впрочем, время еще не позднее, можно к этому Александру Хохрякову смотаться – близкому другу Николая Неделькина.

Я достал из кармана мобильный телефон, листок бумаги, на котором во время беседы с Татьяной делал пометки, нашел нужный мне адрес и забил его в поисковик. Дом Хохрякова действительно оказался неподалеку – всего в пяти минутах езды.

Я повернул в замке зажигания ключ, тронул автомобиль с места и вскоре вырулил на проспект. Пять минут спустя остановился у нужного мне дома. Не знаю почему этот дом элитный – как назвала его Татьяна Неделькина – от обычных домов его отличало лишь то, что он был огорожен двухметровым решетчатым забором, а так обычная высотка, разве что с разукрашенными в разные цвета балконами. Но раз Татьяна сказала элитный дом, пусть будет элитным. И раз дом огорожен забором, значит въезд на прилегающую к нему территорию разрешен только жильцам высотки. Поэтому я

припарковался около забора, покинул машину и, приблизившись к калитке, надавил на кнопку на панели вызова.

– Да, я вас слушаю, – раздался в динамике домофона, голос, принадлежащий немолодой женщине, очевидно, консьержке.

– Откройте, пожалуйста, – попросил я вежливо. – Мне нужно пройти к Александру Хохрякову.

– Из какой квартиры? – строго спросила пожилая женщина.

– Я не знаю в какой квартире он живет, – признался я.

– То есть как это не знаете? – удивилась консьержка. – Идете к человеку и не знаете в какой квартире он живет.

– Визуально помню, что на двенадцатом этаже, квартира слева. Впустите, пожалуйста. Я приехал издалека, давно не виделся с Сашкой, – начал я сочинять на ходу, – хочу сделать ему сюрприз. Я не бандит, не грабитель, обычный человек. Я покажу вам свой паспорт, а в качестве подарка оставляю тысячу рублей.

– Кхм, – раздалось в динамике домофона покашливание. Консьержка некоторое время раздумывала, затем щелкнул язычок дистанционно открываемого замка.

Я вошел в калитку, миновал двор и, поднявшись по ступенькам широкого крыльца, открыл дверь в подъезд. Он был просторным ярко освещенным, со множеством цветов в горшках. Слева было окно, за которым сидела консьержка – женщина лет семидесяти, с крашенными в радикально

черный цвет волосами, с довольно неприветливым лицом, на котором красовались очки с толстыми стеклами. Ни слова не говоря, я сунул под прорезь под стеклом свой паспорт и тысячу рублей. Вот он первый «транспортный расход».

Женщина молча взяла мой паспорт, посмотрела в нем мои данные и вернула. Потом взяла деньги, чуть растянула в улыбке губы и прикрыла глаза, что, очевидно, означало: «спасибо, проходите».

Я поднялся по ступенькам на площадку, на которой размещались двери двух лифтов – грузового и пассажирского и вызвал пассажирский лифт. На нем доехал до двенадцатого этажа. Как и говорила Татьяна Неделькина, здесь была дверь в коридор, где размещались двери в квартиры, расположенные на двенадцатом этаже. Слева от двери были прикреплены несколько звонков. Поскольку я гомо сапиенс – человек разумный, я умею мыслить логически: раз Хохряков живет в квартире крайней слева, то ее номер наименьший среди номеров квартир на этом этаже, поскольку у нас в стране принята нумерация слева направо. Я надавил на кнопку звонка с расположенной рядом цифрой сорок пять.

Сначала была тишина, потом раздался звук открываемой двери в коридоре, затем по коридору протопали насколько пар ног и дверь на площадку вдруг с шумом и настежь распахнулась. На пороге стоял невысокий худощавый мужичок лед за сорок, лысоватый, лупоглазый с закругленным носом и тонкими, почти бескровными губами, одетый в синие тре-

ники и белую футболку. Фоном ему служил мужик повыше, пошире, но какой-то рыхлый. У него были обвисшие щеки, круглые глаза, нос картошкой, топорщащиеся в разные стороны усы и волосы на голове. Он был примерно одних лет с лупоглазым мужиком. Одет в серые брюки и серую же рубашку. Из-за его спины выглядывала невысокая полная женщина ровесница обоих мужиков, с рыжими волосами, стриженными каре. Лицо у нее было конфигурацией и цветом похожее на созревший помидор, на котором кто-то шулки ради, кончиком ножа обозначил глаза, рот и нос. Все трое были какими-то взъерошенными и подвыпившими. Видать у семейки Аддамс сегодня застолье.

– Ты все-таки пришел?! – заявил лысоватый, лупоглазый мужичок и больше не слова не говоря, выбросил вперед руку, метя мне в челюсть.

О дьявол! Я успел отклониться назад и в сторону и кулак просвистел мимо. Я отступил на шаг, а мужик снова попытался ударить меня кулаком в лицо. Он был, как я уже упоминал, невысоким, а при моей комплекции и силе я запросто мог схватить его и как баскетбольный мяч выбросить в окно. Но я делать этого не стал, не привык просто так, не разобравшись в чем дело, применять к людям силу. А потому поймал кулак мужика ладонью одной руки, второй сделал захват за шею и, крутанув мужика на сто восемьдесят градусов вокруг своей оси, толкнул его вперед на рыхлого усатого мужика, который тоже двинулся в атаку.

– Дай я ему сейчас как следует врежу! – рыкнул усатый, движением левой руки резко, словно распахивая дверь, смахнул лупоглазого со своего пути и правой рукой, будто топором попытался нанести мне удар сверху по голове.

– Что за черт! – вскричал я, отпрыгивая в сторону, не давая мужику разрубить меня по пополам. – В чем дело, мужики?!

– И он еще спрашивает?! – вскричала женщина и тоже ринулась в атаку.

Я успел отразить предплечьем удар усатого, который попытался врезать мне по уху, толкнул его в плечо, он с грохотом врезался в двери лифта и я, выставив вперед растопыренную ладонь, преградил женщине путь ко мне. Второй рукой я отмахнулся от лупоглазого мужичка, который вновь рвался в бой. В этот момент раздался высокий звонкий девичий голос:

– Мама! Папа! Это не он! – положивший конец бестолковому маханию тройцы кулаками у меня перед лицом.

– Что?! – воскликнул лупоглазый мужичок, застыв в позе неандертальца, бросающего копье в мамонта.

Женщина с похожим на перезрелый помидор лицом застыла с вытарашенными глазами, а усатый мужик замер, приложившись после моего толчка физиономией к дверцам лифта.

На пороге двери из коридора стояла молоденькая стройняшка в очень коротких шортиках голубого цвета и голубом

же топике. У нее было милое лукавое личико, длинные светлые волосы – наверняка она еще учится в школе, наверняка отличница, и наверняка предмет воздыханий мужской половины класса. Давно было понятно, что сумасшедшая троица, напавшая на меня, перепутала мою персону с кем-то, как сейчас оказалось со знакомым девицы, стоявшей в дверях, и это можно было бы выяснить раньше, если бы мне дали хоть слово сказать. Но, к счастью, недоразумение разъяснилось.

– Это не он, – вновь повторила девица.

Первым пришел в движение лупоглазый мужичок. Он опустил руки и с глупым выражением лица проговорил:

– Вот как?! А кто же он?

– Ну, откуда же я знаю, папа? – возмутилась девица. – Мужик какой-то.

– Да, ошибочка вышла, – глухо проговорил усатый мужчина, отклеивая физиономию от двери лифта.

Вытарщенные глаза женщины вернулись в обычное состояние, и она удивленно спросила:

– Так кто же вы такой?

Я тоже опустил руки, которые держал перед собой, и приосанился:

– Игорь я. Гладышев. Частный сыщик.

– Ой, извините! – смущенно воскликнула женщина и сделала шаг назад. – Мы вас спутали с другим человеком.

Я криво улыбнулся:

– Я так и понял.

Страсти вроде улеглись. Взбудораженная семейка Аддамс начала успокаиваться.

– А что вы хотели, Игорь Гладышев? – переключаясь с воинственного настроения на более миролюбивый, но все же хмуро, спросил лупоглазый мужчина, которого девушка назвала папой.

Я поправил воротник куртки, который в результате потасовки перекосялся.

– Мне нужен Хохряков Александр, – признался я, глядя на лупоглазого мужика, поскольку подозревал, что именно он таковым и является. – Это вы?

Мужик, очевидно, гордился своей «благозвучной» фамилией, потому что он встал, расправив плечи и выставив вперед грудь.

– Да, я Хохряков! Что вы хотели? – повторил он.

«Вообще-то не мешало бы извиниться за нападение ни в чем не повинного человека, – подумал я. – Ну, да ладно, как говорится, бог им судья». Вслух же произнес:

– Мне нужно задать вам несколько вопросов относительно вашего друга Неделькина Николая. Он пропал.

– Что вы говорите? – недоуменно произнесла женщина. – Как так?

Я развел руками:

– Если честно, я не знаю, пропал он или нет, во всяком случае жена его разыскивает.

Хохряков отступил в сторону и указал рукой на дверной

проем.

– Ну что ж, проходите, поговорим.

Девушка развернулась, исчезла в коридоре, за нею пошел я, следом двинулась и агрессивная троица.

В прихожей я снял куртку и повесил ее на вешалку в шкаф. Всей компанией мы прошли в кухню, примерно двенадцать квадратных метров площадью, где справа у стенки стоял под мрамор кухонный гарнитур, у левой стены торцом к ней находился стол и четыре стула вокруг него, у стены напротив располагалась дверь, ведущая на балкон. На столе стояли тарелки со всевозможной закуской, три рюмки, полупустая бутылка коньяку – источник, из которого чокнутая троица черпала силы для рукопашного боя со мной. Молодая особа, по-видимому, участия в застолье не принимала, поскольку стол был сервирован на три персоны, да и девушка была трезвой в отличие от троицы. А притащилась она сейчас в кухню из любопытства.

– Проходите, пожалуйста, садитесь, – засуетилась хозяйка, если можно назвать суетой то, что она отодвинула один из стульев, перед которым не стояли ни тарелка, ни рюмка, ни столовые приборы. – Меня зовут Наталья. Я супруга Александра, — продолжила она процедуру знакомства, начатую еще в подъезде. – А это друг нашей семьи и сосед по лестничной площадке, – указала она на усатого рыхлого мужика, – Василий.

Я в знак приветствия сделал вид, будто приподнял несущий

шествующую шляпу и сел за стол.

Троица тоже уселась на свои места, которые покинула в связи с моим приходом. Девушка никуда не уходила, наоборот, она примостилась на табурете, стоявшем рядом с кухонным гарнитуром. Видать, решила погреть уши, слушая разговоры взрослых.

– Вы уж простите нас за то, что так получилось, – запоздало начала извиняться Наталья, проявляя радушие в отличие от двух мужиков, которые с угрюмым видом помалкивали, предоставив право заниматься разговорами нежданного гостя, хозяйке дома. – У нас тут проблема одна обозначилась. Один гопник, как выражается наша с Сашей дочь Катя, – она кивнула в сторону девушки, – проходу ей не дает. Да впрочем, что там проходу не дает. Говоря открытым текстом – домогается. Наглый такой, беспринципный, лезет к ней постоянно. То звонит, то у подъезда караулит, а сегодня вот позвонил Катюше, пообещал прийти домой, поговорить с нею. А Катя его терпеть не может и боится. Вот мы на всякий случай Василия в гости и пригласили, чтобы он, значит, если этот хам придет помог его от нашей Катюши отвадить. Ну, а тут звонок в дверь, и мы уж подумали, что это он пришел... Может быть, выпьете с нами? – предложила Наталья и собралась было подскочить, очевидно за рюмкой, но я ее порыв пресек на корню.

– Спасибо, Наталья, я пить не буду – за рулем.

– Ну, может быть, тогда поедите с нами? Я вам бефстро-

ганов положу.

Честно говоря, я был голоден, время уже семь часов, а я еще и не ужинал, поэтому я не стал кокетничать, а прямо сказал:

– Насыпайте!

На этот раз хозяйка поднялась и в этот момент раздался звонок в дверь.

Троица переглянулась.

– Ну, вот пожаловал твой женишок, – хмыкнул Хохряков и взглянул на дочь. – Как его зовут-то?

– Негодяй! – фыркнула девица.

– Это ты его так зовешь, – также поднимаясь из-за стола, произнес Хохряков. – А как его папа с мамой нарекли?

– Антоном, – буркнула девица.

Василий тоже поднялся из-за стола, и троица двинулась прочь из кухни.

– Что, Катя, сильно пристаёт? – спросил я сочувствующим тоном девушку, когда «Семейка Аддамс» исчезла в дверном проеме.

Она состроила презрительно-брезгливую мину.

– Да заколебал дебил. Преследует меня, всякий раз хватает за разные места. Говорит, если не пересплю с ним, он меня закопает. А сегодня несколько раз звонил, требовал, чтобы я вышла из дому. Я, разумеется, отказалась. Он сказал, чтобы я ждала его в гости. Я родителям пожаловалась. Вот отец и позвал соседа дядю Васю, чтобы вместе с ним проучить его.

– Так в полицию надо заявить! – проговорил я возмущенно.

– Да он ненормальный, – хмыкнула девушка и в доказательство того, что это действительно так покрутила указательным пальцем у виска. – Он мажор, сын богатеньких родителей, считает, что ему все позволено. Говорит, что ему пофигу полиция. А если я на него жалобу накатаю, мне только хуже будет, он мне вообще тогда житья не даст. Вот если сегодня отцу с дядей Васей не удастся его проучить, тогда в полицию будем заяву подавать.

– И сколько лет этому Антону?

Девушка сидела, закинув ногу на ногу и поигрывала носком стопы тапочкой.

– Да уж тридцать лет идиоту исполнилось, – Катя тряхнула головой, убирая таким образом, упавшую на лицо прядь волос.

Я удивленно приподнял брови.

– Ого! Взрослый дядечка. Его же за сексуальное домогательство к несовершеннолетним надолго за решетку упечь могут.

– К каким это несовершеннолетним? – не поняла девушка.

Я сделал недоуменное лицо.

– К тебе. Ты же еще в школе учишься?

Катя посмотрела на меня снисходительно.

– В какой школе? – проговорила она насмешливо. – Мне

двадцать три года. Я на последнем курсе МГУ учусь на психолога.

– Гм, – только и смог проговорить я. Мысленно же продолжил: «А от парней все еще с помощью мамы, папы и дяди Васи отбиваешься». Вслух я, конечно, этого говорить не стал, лишь пробормотал: – Да, хорошо нынче молоденькие женщины выглядят. Думаешь, ей пятнадцать лет, а она уже того и гляди людей по вопросам психологии начнет консультировать.

Катя ухмыльнулась.

– Расцениваю ваши слова как компли... – она не договорила, потому что в этот момент в подъезде раздался грохот.

Мы посмотрели сначала в сторону источника звука, потом переглянулись и, не сговариваясь, бросились вон из кухни, а потом и из квартиры. На лестничной площадке двое крепких парней от души мутузили папашу Екатерины и его приятеля, пришедшего защищать его великовозрастную дочь от прилипалы.

Один из парней был темно-русый мордатый громилой, одетым в темные джинсы и темную же куртку, другой – блондин с хамской физиономией, габаритами чуть поменьше первого, но тоже верзила, одетый в синие джинсы с мотней до колена и голубую куртку. Оба небритые, как это нынче модно у молодых людей. Вокруг дерущихся бегала Наталья и хлопала руками, точно пытавшаяся взлететь курица крыльями.

М-да, сегодня день богат на драки. Я сходу врубился в гущу дерущихся. Если двое махаются против двоих, то силы равные и еще неизвестно кто победит. Но если трое против двух, тут без вариантов – победа будет за нами. Тем более, если один из троих в драке профессионал.

Я правым хуком врезал по физиономии мордатому громиле, наседавшему на Василия, и тот, взмахнув руками, отлетел к стене, врезался в нее плечом, но устоял на ногах. На лестничной площадке от такого количества людей было тесновато, но как говорится, в тесноте да не в обиде, и я все же сумел с силой пнуть громилу по бедру. Я знаю какая бывает при этом боль – невыносимой, нога немеет и потом несколько дней болит, отчего ее обладатель с неделю прихрамывает. Громила взвыл и присел, схватившись за бедро. Все, этот пока вне игры. Вообще-то лежачего, ну, а в данном случае сидячего не бьют, но, по-видимому, громила уж очень сильно разозлил Василия, потому что тот, не сумев сдержать обиду и ярость за полученные от парня тумаки ударил ногой громилу по лицу. Тот опрокинулся на спину и больше не вставал, держась одной рукой за лицо, а другой – за бедро.

Я же переключил внимание на блондина. Александру Хохрякову нужно было помочь, тем более что драться невысокий щуплый мужичок явно не умел. Он бестолково отмахивался от блондина и получал тумаки за тумаком. Я оттолкнул отца Кати, схватил блондина одной рукой за грудки, вторую руку просунул ему сзади под куртку, ухватил за ремень

джинсов и с силой впечатал его боком в дверь лифта, причем именно в то место, где недавно приложился своей физиономией во время первой драки со мной Василий. Железные двери лифта издали такой грохот, что его наверняка было слышно на весь подъезд. Ударившись башкой, парень потерял ориентацию в пространстве, а я, воспользовавшись этим, продолжая удерживать блондина одной рукой за грудки, а другой за пояс джинсов, оторвал его от дверей лифта, дернул в сторону и, подставив ногу, сделал подсечку. Руки убрал. Парень со всего размаха грохнулся на пол.

– Ну, мужики, дальше вы уж сами, – проговорил я и отступил к двери, в проеме которой стояла Катя и с интересом наблюдала за происходящим на лестничной площадке.

И отступил я вовремя, потому что двери лифта открылись и на пороге возникла консьержка.

– Что тут у вас происходит? – с видом ошарашенного человека проговорила она.

– Да вот, Мария Петровна, – сказал Хохряков, указывая на лежащих на площадке парней, – ломались к нам в дом. Еле отбились от них.

– Да, Мария Петровна, – закудахтала Наталья. – Хулиганы! Вломиться к нам в квартиру хотели. Зачем вы их пропустили в подъезд?

– Да я их не впускала, – оправдываясь произнесла консьержка и вышла из кабины лифта. – Они, видать, через забор на территорию проникли, а потом дождались, когда кто-

нибудь зайдет в подъезд и этим «кто-нибудь» оказалась Надежда Васильевна из тридцатой квартиры, и они вместе с нею проникли в подъезд. Я им кричу: «Эй, куда, вы, куда?», а они даже внимания не обратили. Юркнули на лестницу. Ну ничего, – консьержка затрясла пальцем, – сейчас полиция приедет. Я ее вызвала.

– Вот и отлично, – удовлетворенно проговорил Хохряков, склоняясь к блондину. Очевидно, он хотел заломить ему руки. – Как раз и сдадим их тепленькими сотрудникам правоохранительных органов.

Зря консьержка, а затем и Александр сказали про полицию, потому что блондин, лежавший на спине, перевернулся на живот, привстал и с низкого старта рванул к двери на лестницу. Распахнул ее и исчез на нею. Так же поступил и мордатый громила. Он вскочил с пола, оттолкнул оказавшегося на его пути Василия в сторону и, волоча за собою отбитую ногу, припустил тоже к лестнице.

Василий и Александр переглянулись и бросились за ними вдогонку. А консьержка снова вошла в лифт, нажала на кнопку, двери закрылись, и она с комфортом поехала на первый этаж. Я, разумеется, преследовать «ухажеров» Кати не стал. Потому что не мое это дело, это во-первых, а во-вторых, не в моих правилах ловить гопников и сдавать их в полицию, предпочитаю разбираться со своими обидчиками, недругами или иными оказавшимися на моем пути недоброжелателями самостоятельно.

– Ну, погнали наши городских, – нервно хихикнула Наталья. – Теперь-то Васька с Сашкой с ними справятся... Ну, пойдёмте, Игорьь, я вас обещанным ужином накормлю.

– Буду признателен, – сказал я и двинулся за Катей, которая, развернувшись, пошла через коридор в квартиру, соблазнительно виляя аккуратным задом.

Наталья тоже пошла в квартиру, прикрыв за собою двери из коридора в подъезд. А из соседних квартир никто из жильцов на шум в подъезде так и не вышел.

Гуськом мы прошли на кухню, где хозяйка квартиры на сей раз по-настоящему засуетилась. Она усадила меня за стол и стала разогревать ужин.

– Колы выпьете? – спросила она, помешивая ложкой в жаровне мясо.

Я с благосклонным видом кивнул:

– Не откажусь.

Наталья достала из холодильника бутылку «Кока-колы», поставила на стол ее и стакан. Катя вновь устроилась на табуретке в уголке.

– А вы где так хорошо драться научились? – спросила она.

Я бы, конечно, мог сказать для красного словца, что чувствовал себя героем, а девушка смотрела на меня с восхищением, поскольку я запросто справился с двумя гопниками, раскидав их по подъезду и не дав им до конца измордовать ее отца и друга семьи и соседа Василия, но я так не скажу, ибо героем себя не чувствовал, поскольку борьба для

меня привычное дело, я одерживал в поединках побед столько, что и не счесть, а потому скажу, что испытывал лишь с новой силой навалившуюся на меня усталость – все же день был непростым. Ну, а что испытывала девушка, я не знаю, во всяком случае не восхищение, потому что смотрела она на меня иронично, а вопрос задала насмешливо. Видимо, ей не очень нравятся мужчины, которые защищают ее от агрессивно настроенный молодых людей.

– А я спортсмен, – отвечая на вопрос девушки, растянул я в улыбке губы – смотреть на симпатичную Катю было приятно.

– Правда? – девушка поиграла глазами. – И каким видом спорта вы занимаетесь?

Я налил себе колы и махнул стакан.

– Вольной борьбой.

– Ну, это мне ни о чем не говорит, – произнесла Катя томно. – Мне что вольная борьба, что классическая, – закатила она глазки, – все едино. Борьба она и есть борьба.

– И ты права, Катя, – я вытянул вперед руку и сделал жест, будто успокаивал девушку. – Когда тебя отправляют в нокаут совершенно неважно, каким ударом – прямым, хуком, свингом или апперкотом. Главное, что тебя вырубает.

Девушка издала смешок.

– Туманно, иносказательно, но в общем-то понятно, что вы хотели сказать.

«Черт, она, по-видимому, посчитала меня тупым, –

мелькнула в голове мысль. – Ну и ладно, я на ее руку и сердце не претендую».

Я поднял руки кверху, будто взывая к небесам.

– Извини, я плохо учился в школе. По риторике у меня всегда была тройка... А кто из тех двоих был Антон? – поинтересовался я.

– Блондин, – ответила девушка. – А второй его дружок Андрей.

– Крепкие ребята, – похвалил я физические данные парней.

– Они бодибилдингом занимаются.

– Оно и видно, фигуры что надо.

Катя сморщила носик.

– Терпеть не могу качков.

Я хихикнул:

– Зато они тебя любят.

– Ну все, готово! – объявила Наталья, накладывая на большую тарелку картошку фри, которую только что достала из кастрюли с кипящим маслом и со сковородки мясо со сметанным соусом.

– С вашего позволения, помою руки.

Я встал из-за стола, помыл над раковиной руки, вытер полотенцем, которое подала Наталья и снова уселся за стол, на котором уже стояла тарелка с бефстроганов. Ужин у Хохряковых я сегодня заработал, отстаивая в драке честь семьи.

– Так вы действующий спортсмен? – вновь подала голос

со своего места Екатерина.

Вот пристала, пожрать не дает. Я взял вилку наколол ею картошку и сунул ее в рот.

– Нет, я закончил карьеру борца, – сказал я, пережевывая картошку, которая оказалась довольно-таки вкусной с хрустящей корочкой, а внутри нежной мякотью. – Перешел на тренерскую работу. Нынче мальчишек тренирую в детско-юношеской спортивной школе.

– Так вы, значит, педагог? – голосом приятно удивленного человека, проговорила Наталья и села на стул напротив меня.

Сейчас еще кулаком голову подопрет и будет любоваться тем, как я уплетаю приготовленное ею блюдо.

– Получается так, – безразлично сказал я, подхватывая вилкой мясо и отправляя его в рот.

– У меня мама педагог, – сообщила хозяйка квартиры совсем неинтересную мне подробность из истории своей семьи.

– Коллеги, – вяло констатировал я и вновь налил себе «Кокка-колы».

– А я вот медсестра, – продолжала выдавать абсолютно ненужную мне информацию хозяйка квартиры.

– Отчего же дочка пошла не по вашим статьям? – спросил я только ради того, чтобы поддержать разговор. – Или у вас весь спектр социальных услуг в семье присутствует? Тут у вас и медик, и психолог...

– Ага, психолог, – с чувством гордости за свою дочь промолвила Наталья. – Только она дальше меня пошла. У меня среднее образование, не выучилась в свое время, на врача, а у нее будет высшее... А папа у нас научный сотрудник, в оборонке работает.

«Ну, сейчас начнет рассказывать о своей семье до седьмого колена, – подумал я невесело. – Поскорее бы уж Александр вернулся, я узнал бы у него ответы на интересующие меня вопросы и отправился бы восвояси.

Бог услышал мои мольбы: двери в квартиру открылась в прихожую ввалились Александр и Василий, которые через пару секунд возникли в кухне. Оба разгоряченные, взъерошенные и довольные несмотря на то, что оба пострадали в драке: у Хохрякова был под глазом лиловый синяк, на лысине шишка, а у Василия расквашен нос.

При виде мужа Наталья оживилась.

– Ну что там у вас, Саша? – спросила она, подавшись к супругу.

– Да мы за этими парнями погнались, – размахивая руками, стал возбужденно рассказывать Хохряков, – сбежали на первый этаж, те в двери выскочили. Мы за ними, они бросились через двор к калитке, а тут как раз менты подъехали и приняли их. Завели в подъезд в комнату консьержки, спросили в чем дело. Когда мы рассказали полицейским что да как, нам с Василием предложили завтра прийти в отделение полиции, накатать на них заявление. Не знаю, как Виктор,

а я завтра пойду, надо проучить этого подонка Антона, а заодно и его дружка.

Александр шагнул к столу, не садясь, взял бутылку коньяку, плеснул горячительного напитка себе в рюмку и Василию.

– Я тоже пойду в полицию, – кивнул сосед и друг семьи и тоже подошел к столу.

Они подняли рюмки и чокнулись.

– Только ты там не очень-то на него наезжай, – попросила Наталья. – Не связывайся с ним. Самое главное, чтобы этот Антон от нашей Катюши отстал.

– Угу, – промычал Хохряков, цедя сквозь зубы коньяк и не отрывая от рюмки губ, в знак согласия качнул головой. Выпив, он крикнул, поставил рюмку со стуком на стол, взял из тарелки соленый огурец и сунув его в рот, смачно хрустнул. – Хорошо, мать. Так я и поступлю.

Василий повторил все действия своего товарища только после того, как хрустнул огурцом, вытер ладонью губы.

– Хорошо пошла, – хмыкнув сказал он. – Только так коньячок стресс снимает... Говорят коньяк лучше всего шоколадом закусывать, а мы по-простому, по-русски – соленым огурчиком...

– Так чем я могу вам помочь, Игорь? – наконец обратился ко мне Хохряков. Он явно подобрел к моей персоне, после моего участия на их с Василием стороне в инциденте, произошедшем на лестничной площадке. Его голос звучал доб-

рожелательно.

Я в разговоре не участвовал, молча доедал бефстроганов, а, подобрав последней картошкой фри соус с тарелки, сунул картошку в рот и отодвинул пустую тарелку.

– Всего несколько вопросов, —я проглотил картошку и положил вилку на тарелку.

– Я вас слушаю, – с готовностью произнес Хохряков.

Разговор касался личной жизни Неделькина и выставлять на всеобщее обозрение его личную, а, возможно, интимную жизнь, я не хотел. Да и при супруге, а тем паче дочери Александр мог не выдать кое-какие секреты, какие бывают у мужчин от женщин.

– Если можно, я хотел бы поговорить с вами наедине, —я обвел глазами Катю ее маму, друга семьи и соседа Василия. – Извините.

Все трое были явно разочарованы моим желанием уединиться с Хохряковым – подробности чужой личной жизни бывают весьма интересны окружающим. Я поднялся с места, демонстрируя, что готов отправиться с Александром в другую комнату.

– Да-да, конечно, – Хохряков отступил в сторону, предлагая мне пройти вперед. – Пожалуйста, пройдемте в гостиную.

Миновав коридор, вошли в гостиную – квадратную комнату, оклеенную салатового цвета обоями. В обстановке ничего примечательного. Такой набор мебели, как в семье Хо-

хряковых наверняка имеется в любой квартире в гостиной среднестатистической семьи – диван, два кресла, журнальный столик, телевизор, это так сказать, базовый набор мебели. Ну, и могут быть вариации – плюс минус обеденный стол, стулья, шкафы, книжные полки, сервант, горка и т.д. В гостиной у Хохряковых из дополнительной комплектации к основной прилагались лишь стол и стулья.

– Прошу! – сказал Александр махнув рукой в сторону дивана и кресел, предлагая мне самому выбрать куда присесть.

Я сел в ближайшее кресло, лицом к окну. Хозяин квартиры прикрыл дверь и сел напротив меня через журнальный столик.

– Так что там произошло с Николаем? – не откладывая дела в долгий ящик сходу спросил Хохряков.

Раз интересуется, что случилось у Николая, значит не в курсе, что он ушел из семьи, – решил я и, прочистив горло, сказал:

– Его жена Татьяна с дочерью вернулась из отпуска и обнаружила, что Николай забрал все свои вещи, документы, машину и ушел.

– Ушел? – удивился хозяин квартиры и потер лысину. – То есть, бросил Татьяну? – уточнил он.

– Получается так, – согласился я.

– И куда? – Хохряков несколько раз хлопнул своими лупоглазыми глазами.

– К другой женщине, – не стал я делать из бегства Недель-

кина тайну. Достал из заднего кармана джинсов письмо незнакомки и протянул его через журнальный столик Хохрякову. – Прочтите.

Тот взял листок бумаги, развернул его, углубился в чтение. А когда прочитал, несколько мгновений молчал, потом недоуменно проговорил:

– Как-то странно. Вдруг ни с того, ни с сего ушел к другой женщине.

– Так вот, суть вопроса, Александр, – наконец-то я добрался до цели своего посещения Александра Хохрякова. – вы можете предположить, кто эта другая женщина?

На лбу хозяина квартиры собрались морщины – явный признак того, что мужчина раздумывал. Он некоторое время молчал, наконец заговорил:

– Я, конечно, вам благодарен, Игорь, за то, что вы помогли мне и моему товарищу одолеть подонка и его приятеля, которые травят мою дочь. Но вы просите меня совершить подлость по отношению к моему институтскому другу Николаю – выдать к кому он ушел и, где он находится я не могу.

– Хм! – развеселился я и произнес с презрительными нотками: – По-моему, ваш друг поступил подло, бросив свою супругу без каких-либо объяснений причин своего поступка. Хорошо хоть эта женщина, – я кивнул на ксерокопию письма в руках у Хохрякова, – написала Татьяне, что ее муж бросил ее, трусливо избежав разговора с нею. И вы наоборот поступите благородно по отношению к Татьяне, если поможе-

те отыскать Николая. Чем женщина заслужила такое непо-
рядочное отношение к себе, что ее даже не удостоили чести
сообщить о том, что бросают.

Хозяин квартиры колебался.

– Все равно нечестно по отношению к Коле, – проговорил
он неуверенно, – что я выдам за его спиной место возмож-
ного его нахождения.

Похоже, этот лысый мог знать к кому сбежал Николай
Неделькин.

– А вам не обязательно действовать за спиной Николая, –
возразил я. – Можно и открыто. Давайте поступим так, – я
добавил уверенности в свой голос и заговорил тоном чело-
века, убежденного в своей правоте: – Вы поможете мне вый-
ти на своего друга, я, не сообщая Татьяне о том, что нашел
Николая, позвоню вам, вы приедете и мы вместе с вами по-
пробуем убедить Неделькина встретиться со своей супругой
и объясниться... Ну, Александр, – я укоризненно посмотрел
на хозяина квартиры, – согласитесь, не по-мужски кидать так
женщину. Пусть он не возвращается, но хотя бы имеет сме-
лость объяснить причину своего ухода и пусть даст Татьяне
развод.

Я замолчал и стал ждать решения Хохрякова. На этот раз
морщины собрались не только на его лбу, но и на лысине.
Он усердно думал. Наконец сдался и медленно и неохотно
заговорил:

– Я догадываюсь, кто мог написать это письмо.

Я подобрался и весь обратился в слух.

– Я думаю, письмо написала Полина Неонова, – выдал Хохряков тайну своего друга и замолчал, по-видимому, чувствуя себя Иудой.

Я от нетерпения услышать подробности о даме, написавшей письмо супруге Неделькина, заерзал на месте.

– И кто же она такая? – подогнал я своего визави.

Хохряков бросил ксерокопию письма, которую он до сих пор держал в руках на журнальный столик, и стал рассказывать:

– Она давняя подруга Николая. Он стал встречаться с нею несколько лет назад, уже тогда, когда был женат в первый раз. Они очень любили друг друга, но позже после развода с первой супругой он женился на Татьяне. Однако насколько я знаю со слов Николая, он к Полине иной раз заглядывал, уже будучи женатым на Татьяне.

Я хмыкнул:

– Странно. Любил одну, а женился на другой. С чего вдруг?

Александр покривил свои тонкое почти бескровные губы и пояснил:

– В то время, когда они любовь крутили, Полина была не свободна. А уж после того, как Николай женился, она через год развелась со своим мужем. – Он вдруг усмехнулся: – Да и Танька-то моложе Полины. Ей тридцать два, а Полине сорок три. Она его ровесница. Видать, Кольку на молодое тело

потянуло.

Я не мог удержаться от иронии:

– А теперь что же, снова к старому телу решил вернуться?

– Да не к такому уж и старому... – как-то многозначительно и загадочно изрек Александр. – Если вы ее увидите, то поймете, о чем я говорю.

– Заинтриговали, – признался я и взял ксерокопию письма с журнального столика. – Где живет, знаете?

– Знаю, – вздохнул Александр, видимо, в этот момент особенно остро чувствуя себя христопродавцем. – Здесь неподалеку. На улице Светличной.

– И номер ее телефона знаете? – продолжал я пытаться Хохрякова.

Он сказал, что знает.

Я взглянул на часы – было восемь.

– Не так еще поздно для визита, – пробормотал я и поднял глаза от циферблата своих «Tissot» на Александра. – Если вы, конечно, позвоните этой Полине Неоновой и попросите у нее аудиенции для меня. Вряд ли без рекомендации в темное время суток она захочет встретиться с незнакомым мужчиной.

Александр снова вздохнул – тяжело ему давалась стезя предателя, но все же чувство благодарности за то, что я впрягся за него с Василием в драку обязывало его мне помочь, и он встал с кресла, вышел из комнаты и вскоре вернулся с телефоном в руках. Вновь усевшись в кресло, актив-

вировал телефон, отыскал в списке контактов нужный номер телефона и позвонил по нему.

– Только не говорите этой Полине, что я сыщик, – спохватился я, – а то если вдруг Николай у нее, это спугнет ее, и ваша Неонова не захочет встретиться со мной, чтобы не показывать беглеца.

В знак того, что понял, хозяин квартиры прикрыл глаза.

– О, Полина, привет! – вдруг произнес он в телефон так, как говорят с человеком, с которым долгое время не общался и вдруг довелось заговорить. – Сколько зим, сколько лет! Как ты там поживаешь, красотка? – Он приятно улыбнулся своей невидимой собеседнице, которая, видимо, тоже проявляла восторг по поводу того, что ей неожиданно позвонил давний приятель. Помолчал, потом, произнес: – Да, спасибо, у меня все в порядке. Жена в норме, дочь учится на последнем курсе института. Я все так же работаю в НИИ. – После нескольких обычных при телефонном разговоре между знакомыми обменом любезностей и дежурных фраз, Александр перешел к главному вопросу, ради которого и затеял весь этот телефонный разговор. – У меня к тебе просьба, – произнес он просительно. – Ты же адвокат, а тут ко мне приятель подошел. У него есть одно дело как раз по твоему профилю... Да, Полина, в обиде не оставит. Поможешь ему? – Александр на некоторое время заглох, по-видимому, абонент на том конце беспроводной линии какое-то время поломался, набивая себе цену за свои услуги, как и я в свое время пе-

ред женщиной, похожем на сатану, потом проговорил: – Ну, спасибо, Полина. Так он к тебе подскочит? – Пауза. Визави Хохрякова, по-видимому, чему-то ужаснулась, потому что Александр смущенно промолвил: – Да время-то еще детское. А дело у него не терпит отлагательств. Встреться, пожалуйста, с ним, Полина... Прямо сейчас. – Хохряков помолчал, выслушивая ответ на свое предложение, потом неожиданно проговорил: – Да, молодой! – и окинул меня оценивающим взглядом. – Симпатичный. Как раз в твоём вкусе... Ну, так как, он к тебе сейчас подскочит?.. О-о! – восторженно воскликнул Александр. – Спасибо тебе большое, Поляночка!.. С твоего позволения я ему дам сейчас номерок твоего телефона. И если можно, назови свой точный адрес. А то я был у тебя пару раз, визуально помню, где ты живешь, а объяснить не могу. – Александр кивнул, когда адвокатесса, по-видимому, назвала ему свой адрес, словно она могла его видеть и напоследок сказал: – Ну, всего доброго! Пока-пока!..

Хозяин квартиры отключил мобильник, вытер ладонью пот со лба, словно он не говорил по телефону, а разгружал вагон с картошкой, укоризненно посмотрел на меня и, отдуваясь, сказал:

– Уф, Игорь, напрягли вы меня. Давненько я так не изощрялся впаривая первоклассному специалисту мифического клиента.

– Вы превзошли самого себя в искусстве лицедействовать, – пошутил я и сунул в карман копию письма любов-

ницы Николая Неделькина. – Назовите, пожалуйста, адрес и номер телефона Полины.

Хохряков назвал, а я записал номер мобильного и адрес адвокатессы все на том же листке бумаги. Кроме того, мы с Александром на всякий случай обменялись номерами своих телефонов. Поднявшись с кресла, сказал:

– Спасибо вам за все, Александр. С вашего позволения я удаляюсь.

– И вам спасибо, Игорь, – не остался в долгу хозяин квартиры, – за то, что помогли разобраться с обидчиками моей дочери.

На этом обмен любезностями был закончен, и я двинулся к двери. В прихожей, надев куртку и обувь, заглянул в кухню, попрощался с Катей, Натальей и Василием, пожал руку Александру и покинул квартиру Хохряковых.

Глава четвертая. АДВОКАТ

Я вышел из подъезда. Дождь на время прекратился, но было по-прежнему промозгло и холодно. Поежившись, плотнее запахнулся в куртку и скорым шагом отправился к машине. В автомобиле достал мобильный телефон и забил в поисковик адрес, полученный от Александра Хохрякова. Ехать до нужного дома было действительно недалеко – всего двенадцать минут. Все мы – мои новые знакомые и будущая знакомая Полина Неонова – жили неподалеку друг от друга.

Как и пообещал навигатор ровно через двенадцать минут я был у дома адвоката. Это была шестнадцатиэтажная, раскрашенная в пастельные тона башня с одним единственным подъездом. Покинув автомобиль, поднялся по пандусу, остановился у двери и набрал номер телефона Полины Неоновой, полученный все от того же Хохрякова.

– Да, я вас слушаю, – раздался очень приятный, обволакивающий голос, принадлежавший женщине.

– Я от Александра Хохрякова... – начал было я, но женщина меня перебила:

– Да-да, я поняла. Проходите. Четырнадцатый этаж, квартира пятьдесят шесть, – и она назвала комбинацию цифр и букв кодового замка.

Я набрал ее на замке и вошел в подъезд, тоже раскрашенный в довольно-таки мягкие тона. На скоростном лифте воз-

неся на четырнадцатый этаж. Нажимать на кнопку звонка, под которой значилась квартира 56 не пришлось, поскольку меня уже ждали и дверь, как оказалось в общий на четыре квартиры коридор открылась.

Теперь я понял, что имел ввиду Александр Хохряков, когда говорил, что у Подины не такое уж старое тело, и чтобы понять это нужно увидеть его самому. Вот и довелось лицезреть. У Неоновой в ее сорок три года была спортивная фигура фигуристки, разумеется, фигуристки с хорошей фигурой. Из-под серенького шелкового халата длинной как моя сорочка и перетянутом на талии пояском тянулись бесконечно длинные стройные ноги, обутые в пушистые тапочки. Простеганные отвороты халата точно пролегли по ложбинке груди, как две пулеметные ленты. Сами же две крепкие груди, обтянутые шелком халата, с топорщившимися сосками, были подобны стволам двух орудий, смотрящих тебе в лицо и готовых сразить наповал любого мужчину, который возникнет у них на пути. На всякий случай я чуть отодвинулся в сторону, чтобы не попасть под их огонь. Лицо, между прочим, тоже было под стать фигуре – прекрасное, хоть и уже подвергнутое модернизации со стороны пластического хирурга, который сделал ей круговую подтяжку лица, подкачал губы и вообще подкорректировал физиономию, сделав ее более рельефной. Она была блондинкой с длинными пушистыми волосами, которые были собраны на макушке, торчали вверх, а потом подали, будто гребень у петуха. В целом

же дамочка не выглядела вульгарно, ее образ был продумал хорошим визажистом, откорректирован фитнес тренером и смотрелась она как красивая, изящная и деловая женщина. Особенно почему-то поразили мое воображение ее необычайно синие глаза глубокие, загадочные и какие-то шальные.

Она окинула меня взглядом рабовладельца, осматривающего товар на рынке рабов.

– И как тебя зовут, красавчик? – спросила она покровительственно.

Хм, красавчик. Неожиданно. Меня так еще никогда не называли.

– Игорек я, Гладышев, госпожа, – проговорил я скромно и удержался от того, чтоб не пасть на одно колено, и не приложиться к ее ручке надо сказать с длинными аристократическими пальцами с длинными же ногтями, покрытыми розовым лаком.

– Понятно, – ухмыльнулась женщина и втянула точенным носом воздух, будто к чему-то принюхивалась, а, возможно, она просто простыла и втягивала носом набежавшие сопли.

– С юмором у тебя все в порядке.

Я показал ей свои хорошие зубы.

– Камеди клаб отдыхает.

– Ну, что ж, Игорек, пойдем, – с видом зазывалы на улице она дернула бровями в сторону открытой двери своей квартиры, предлагая следовать за ней.

Она развернулась и пошла в конец коридора походкой, ко-

торой могла бы позавидовать Наталья Водянова, а то и сама Ирина Шейк. А может, наоборот, Ирина Шейк и сама Наталья Водянова. Кто из них важнее и главнее в модельном бизнесе я не знаю. Надо сказать, что сзади ее длинные стройные ноги казались еще красивее и сексуальнее, чем спереди. За женщиной тянулся шлейф обалденно пахнущих духов.

Я прикрыл двери в коридор и словно зачарованный странник, двигавшийся за путеводной звездой, пошел вслед за женщиной.

В прихожей снял куртку и, повинуясь повелительному жесту хозяйки квартиры, повесил ее в шкаф. Прикрыв двери в квартиру, разулся, и прошел за дамочкой в гостиную, оформленную в стиле хайтек. Здесь было много серебристо-металлического цвета, прямых линий, освещения, как бы уходящего в перспективу, отчего создавался простор, даже компактная беговая дорожка, прислоненная к стене, вписывалась в общую гамму интерьера была серебристого цвета и такого же цвета, стоявшие рядом с ней гантели. И еще у стены стоял степпер, правда не серебристо-металлического цвета, а серебристо голубого. Из спортивных снарядов еще присутствовала доска для качания пресса и пружинный эспандер, висевший на спинке овального розоватого цвета кресла. Обилие спортивных снарядов и тренажеров указывало на то, что дамочка никак не хотела расставаться с молодостью и поддерживала у своей фигуры девичьи формы путем ежедневных тренировок. Что ж, похвально!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.